

УДК 821.111.09(73)+821.161.3.09

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОМАНЕ НОРМАНА МЕЙЛЕРА «НАГИЕ И МЕРТВЫЕ» И ПОВЕСТИ ВАСИЛЯ БЫКОВА «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК»**В.А. ГЕМБИЦКАЯ***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены особенности осмысления проблемы личности и общества в романе Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» и повести Василя Быкова «Журавлиный крик». Обращается внимание на то, что герои обоих произведений представляют собой социум в миниатюре. Подчеркивается, что критика общества не была целью при создании «Нагих и мертвых» и «Журавлиного крика», но в повести В. Быкова опосредованно раскрываются пороки сталинского режима, а Н. Мейлер в своем романе выявляет сходство между диктаторскими режимами и порядками в армии США, а затем проводит аналогии между армейским режимом и американским общественным строем. Американский и белорусский писатели сходятся в дуалистичном взгляде на природу человека как на единство биологического и социального. Роман Н. Мейлера и повесть В. Быкова объединяет экзистенциальное видение человека, однако при этом Мейлер прежде всего осмысляет власть как испытание на человечность, а Быков исследует подвиг духа на войне.

Введение. Норман Мейлер (*Norman Mailer*) и Василь Быков – крупнейшие писатели XX века, ровесники, создатели антропоцентрических по своей сути произведений, нонконформисты. Оба – участники Второй мировой войны, представители США и СССР, двух мировых держав-победительниц этой войны. Собственный опыт боя и фронтовых будней, характер участия стран, ими представляемых, в этом масштабном вооруженном конфликте предопределили перспективу осмысления этого события в творчестве американского и белорусского писателя. Мейлер дебютирует в 1948 году со своим романом «Нагие и мертвые» (*The Naked and the Dead*), а затем переключается на другие насыщенные для американского общества темы. Но в белорусской литературе в силу исторических обстоятельств именно военная тема стала доминирующей, определяя художественное творчество на долгие десятилетия. В. Быков, считая военную тему неисчерпаемой, осмысляет ее вплоть до конца жизни, сначала в рассказах, потом в повестях.

Оба автора, утверждая универсальные духовно-моральные ценности, смотрели за горизонты, обозначенные идеологией своих держав. Их произведения о Второй мировой содержат натуралистичные описания войны, что представляет собой вызов навязываемым романтическим представлениям об армии в США и СССР. Моральный выбор самих писателей выявляется в том, что ужасающие описания боя и его последствий ставят произведения Мейлера и Быкова на полку именно антимилитаристской литературы.

Основная часть. Если романная форма «Нагих и мертвых» претендует на исследование линий развития общества, дает панораму событий нации и эпохи, то повесть – «повествовательное художественное произведение, в котором с помощью ряда эпизодов выявляется сущность какого-то события, становление характера одного или нескольких действующих лиц в их развитии» [1, с. 39]. Повесть «Журавлиный крик», считающаяся первым значительным произведением В. Быкова, выходит в свет в 1959 году (на десятилетие позже романа Н. Мейлера) в атмосфере относительной либерализации хрущевского периода, и как окажется позже, соответствует тенденциям мировой литературы, фокусирующейся с 50-х годов прошлого столетия на философско-этической проблематике, для которой форма повести подходит как никакая другая. Ужимание панорамности показа событий прямо пропорционально увеличивало нравственную и интеллектуальную составляющую произведений белорусского прозаика. «Белорусская литература – литература, прежде всего, повести» [2, с. 208], и в развитие этого жанра немалый вклад внес Василий Быков. Так, В. Быков выбирал оптимальный вариант для выражения своего видения мира и человека в мире, тем более что правдивое отображение жизни страны вряд ли было возможным из-за цензурного фильтра, разрешающего смотреть на личность и общество лишь через методологическую призму исторического материализма.

Если американская литература о Второй мировой войне лишь опосредованно воспитывает неприятие и отвращение к державному шовинизму и радикальному национализму, то советская имеет ярко окрашенную направленность против правого тоталитаризма, или фашизма, как его принято обобщенно называть. Американские авторы, пишущие о Второй мировой войне сразу по ее окончании (среди них и Н. Мейлер), обращают пристальное внимание на то, насколько схожи диктаторские режимы и порядки в их собственной армии, а затем проводят аналогии между армейским режимом и общественным строем США. В романе «Нагие и мертвые» акцентируется внимание на болезненных фашистских симптомах и в американском обществе: пренебрежительное отношение к евреям и мексиканцам, культ силы. Человеческая индивидуальность нивелируется, правым оказывается тот, у кого сила и оружие. Армейский принцип отношения к человеку как к средству достижения цели может быть прообразом отношения к человеку в сфере политики.

В своих произведениях Н. Мейлер и В. Быков иллюстрируют как явление человеческой исключительности, так и угнетение индивидуальности в армии и на войне, где прав тот, у кого выше звание. В «Дневниках странной войны» Сартр выскажет мысль о том, что солдатам «трудно было отказаться от привычки считать себя людьми» [3, с. 23]. Аналитический ум циничного чернявого красавца Алика Овсеева из повести В. Быкова «Журавлиный крик» сразу обрисовал печальную ситуацию брошенных бойцов, он первым заговорил о том, что все они – смертники, смекнул о затее Пшеничного сбежать, скептически отзывался о победах Красной Армии. Овсеев не считал себя трусом и нытиком, но был убежден в нерациональности и глупости жертвы, которую каждый из шестерых бойцов должен был принести.

Повествование в романе Н. Мейлера ведется в двух планах: конкретное видение ужасов и тягот на фронте пехотинцами контрастирует с общей картиной войны у офицеров. Генерал Эдвард Каммингс (*Edward Cummings*), типичный военачальник из американского романа о командирах, в беседах с лейтенантом Хирном (*Robert Hearn*) пытался донести своему адъютанту, что «в армии всякая мысль об индивидуальности, о личности – это не что иное, как помеха» [4, с. 167] («In the Army the idea of individual personality is just a hindrance» [5, с. 201]). Каммингс подчеркивает, что следует оперировать только воинскими подразделениями как минимальными единицами, их и оценивать как плохие или хорошие, «приводя крупные массы людей к общему знаменателю». Повествователь отмечает, что «было что-то ужасное в подобном разговоре в то время, когда там, на фронте, в пулеметных гнездах сидели солдаты и им было страшно» [4, с. 167] («There was something unclear about having a conversation like this, while somewhere out on the front a man might be rigid with terror in his foxhole» [5, с. 201]).

Стержнем мировоззрения Эдварда Каммингса «становится философия Ф. Ницше и ее основные концепты: Сверхчеловек, воля к власти» [6, с. 31]. У Сверхчеловека нет никаких иллюзий, он умеет жить в бессмысленном мире, манипулировать слабыми, постоянно усиливая свою власть. Генерал Каммингс понимал, что «страх, который они [подчиненные] испытывали перед ним, уважение, которым он пользовался, были осмысленными, основанными на признании его силы и власти, возможности наказать их, но этого было недостаточно» [4, с. 279], он грезил о страхе, «заставлявшем считать неповиновение ему святотатством» [4, с. 279] («The fear, the respect his soldiers held for him now was a rational one, an admission of his power to punish them, and that was not enough. The other kind of fear was lacking, the unreasoning one in which his powers were immense and it was effectively a variety of sacrilege to thwart him» [5, с. 361]). Все же генерал боялся проявлений характера своего адъютанта, лейтенанта Хирна, неповиновение которого он расценивал, как «если бы на него поднял руку солдат» [4, с. 279] («And with it was another sort of fear, overt and aware; what Hearn had done was equivalent to a soldier's laying hands on his person» [5, с. 361]). Эдвард Каммингс был убежден в единой природе организации общества и армии, которые идеально могли функционировать только, если «вы боитесь человека, стоящего над вами, и относитесь презрительно и высокомерно к подчиненным» [4, с. 163] («The Army functions best when you're frightened of the man above you, and contemptuous of your subordinates» [5, с. 195]). Бесстрашный, а точнее, безжалостный, сержант Сэм Крофт (*Sam Croft*) из Западного Техаса, «точная копия Каммингса, только чуть меньшего масштаба» [6, с. 32], также по-настоящему пугался – хотя и старался не подать виду – когда видел, что солдаты пытаются ему перечить и оказать сопротивление. Если Каммингсу в романе противостоит Роберт Хирн, то Крофту – Эрик Волсен по кличке Ред (*Eric Valsen, Red*). Но попытка противостояния Реда Крофту оканчивается неудачей, так как правым оказывается тот, у кого оружие. Зная о садистских наклонностях Крофта, Волсен сдается и решает не испытывать судьбу, так как для сержанта убить человека ничего не стоит.

От Второй мировой войны Каммингс ждет лишь укрепления позиций США на международной арене. Генерал – человек с профашистскими взглядами, поэтому ему чужды идеи об искоренении правого тоталитаризма: «The concept of fascism, far sounder than communism if you consider it, for it's grounded firmly in men's actual natures, merely started in the wrong country, in a country which did not have enough intrinsic potential power to develop completely. In Germany with that basic frustration of limited physical means there were bound to be excesses. But the dream, the concept was sound enough» [5, с. 365] (Естественно, в русском переводе, выполненном в 70-е, о коммунизме ни слова: «Если хорошенько вдуматься, то концепция фашизма – очень жизнеспособная концепция, так как она прочно опирается на реальные инстинкты людей; жаль, что фашизм зародился не в той стране, стране, которой недостает внутренней потенциальной энергии для полного развития» [4, с. 282]).

Для неконформиста Роберта Хирна наивысшей ценностью оставалась свобода, он боялся стать таким же, как Крофт и Каммингс, хотя чувствовал, что подсознательно ему все же нравится и хочется играть судьбами людей. Как только идеалист Хирн полностью осмыслил эти внутренние желания, он ощутил «острое и глубокое отвращение к самому себе, состояние, близкое к шоку: слабость, душевная боль и страх» [4, с. 469] («The shock, the self-disgust... was surprising, almost pleasing in its intensity. He was almost horrified with this sick anguished knowledge of himself» [5, с. 660]), для лейтенанта истинные чело-

веческие ценности не утратили своего значения, для себя он решил не отступать от высокой морали. Хирн был убит вследствие предательства аморального сержанта Крофта.

Первая часть романа («Wave», что переводится как «подъем волны») композиционно связана с последней («Wake», что вбирает в себя игру значений «след от волны» и «последствия»), рисунок подъема-спада становится еще более очевидным, если учесть, что экзистенциальным испытанием для разведгруппы стала безуспешная попытка покорить гору Анака (*Anaka*). На эту кривую линию переживаний нанизаны картины военных действий и армейских будней. Для американских войск гора Анака на острове в Тихом океане являлась одновременно манящим ориентиром и пугающим великаном. Вообще, гора представляет собой древний архетип: «возвышаясь над местностью, владея господствующей там высотой, человек получал определенное превосходство над теми, кто оставался внизу, взирая на них буквально сверху вниз» [7, с. 104]. Пусть подъем в гору разведзвода, даже эпизод встречи солдат с шершнями, частично автобиографичен, о чем Н. Мейлер рассказывает в своем интервью 2004 года [8], но восхождение на Анаку – это не просто преломление собственного опыта автором и не просто воссоздание похожего ландшафта, но, несомненно, символично и связано с духовными исканиями героев произведения. Модель иерархии отношений в армии также имеет геометрическую форму пирамиды-горы. Амбициозное желание генерала Каммингса взойти на вершину власти в армии, а сержанта Крофта взойти на вершину Анаки сопровождалось угнетением индивидуальности всех их подчиненных, ведь человек (или Сверхчеловек) на вершине горы, или на вершине пирамиды-армии, или на вершине пирамиды-общества волен воплощать все свои идеи. Эта дорога – путь душевных и физических переживаний, через которую человек возвращается к самому себе.

Исследовательница А. Бутырчик отмечает, что «в образах Каммингса и Крофта воплощена идея дегуманизации общества, основанного на страхе и подчинении», и обращает внимание, что «именно перед такими людьми, а не перед внешним врагом, герои чувствуют себя наиболее беззащитными» [6, с. 32]. Таким образом, основной конфликт в романе Н. Мейлера представлен генералом Каммингсом и лейтенантом Хирном. Конфликт разворачивается не между воюющими сторонами; «противник из военного становится прежде всего идеологическим» [9, с. 221–222]. Бесспорно, Н. Мейлер симпатизирует либералу Роберту Хирну, но сам отмечает, что в то время у него были анархические взгляды, хотя при этом он не читал об этом книг и не был знаком ни с одним анархистом [10, с. 5]. Мейлер полагал, что государственный капитализм в США – это «продукт искусственного соединения предпринимательства и правительства» (*the product of unnatural coupling of business and government*) [11, с. 17], поэтому в его романе просматривается критика отношений господства-подчинения в политическом (критика бюрократии) и экономическом (критика буржуазии) аспектах. Буржуазия, например, сравнивается с водорослями, получающими питание из окружающей среды: «Под водой гигантские ламинарии образуют настоящие джунгли, где они растут без движения, получая питание из окружающей океанской среды. “Буржуазия в растительном царстве”, – бормочет сидящий рядом студент, и Хирн просыпается, пораженный совпадением их взглядов, как будто сосед высказал его, Хирна, мысли» [4, с. 295] («Under the water the giant kelp form veritable jungles of plant life where they live without movement, absorbing their nutrition from the ocean medium. “The bourgeois of the plant species”, – the student next to him murmurs, and Hearn is awake, startled by the chord of recognition, of excitement. He has almost phrased it himself» [5, с. 384]).

Национальная нетерпимость является чертой авторитарного общества. В романе Н. Мейлера евреи Джо Голдстейн (*Joey Goldstein*) и Рот (*Roth*) постоянно терпят нападки из-за расовых предрассудков. После того как маленького Джо избил итальянский мальчишка, которые жили по соседству, дед объясняет мальчику, что евреи всегда страдают: «Что такое евреи – вопрос трудный, – говорит дед. – Это уже не раса и даже не религия. Возможно, они никогда не станут нацией. Я считаю, что еврей является евреем потому, что он страдает. Все евреи страдают» [4, с. 396] («It’s a difficult question, the meaning of a Jew. It’s not a race, he says, it’s not even a religion any more, maybe it will never be a nation... It’s an interesting problem, but personally I think a Jew is a Jew because he suffers» [5, с. 547]). Сильный физически, но слабый духовно мексиканец Мартинес (*Julio Martinez*) с детства осознает свою неполноценность, так как маленький мексиканский мальчик «никогда не станет белым протестантским парнем, твердым и решительным» [4, с. 71] («Only that does not make you white Protestant, firm and aloof» [5, с. 72]). Его жажда легкой наживы, боязнь ответственности, точная исполнительность приказов, слепое повиновение тому, кто наградит его, пусть даже мелким, признанием, уходит корнями в неуверенность и ощущение себя второсортным человеком.

Смелая критика социума в условиях более или менее демократического государства от Н. Мейлера, слышавшего *enfant terrible*, одного из главных идеологов «битничества» – неконформистского движения 1950-х годов, человека, находившегося в постоянном поиске себя и в творчестве, и в личной, и в общественной жизни, была ожидаемой. Василий Быков же в условиях жесткой цензуры в ранних своих произведениях не всегда может высказать все, что чувствует. Так, в своей переписке 60-х годов с Л.И. Лаза-

ревым Быков отмечает, что «необходима гражданская смелость и нужен талант, но какой же силы должен быть этот талант, чтобы пробить собой почву яростного чиновнического сопротивления и сделать рукопись достоянием литературы!» [12, с. 218], скромно отмечая, что такого таланта у него нет, поэтому некоторые рукописи приходится откладывать до лучших времен. Так, в повести «Журавлиный крик» В. Быкова, как и в романе «Нагие и мертвые», герои представляют поперечный срез общества, обнажая все его несовершенства. Через историю бойца Пшеничного, сына раскулаченного классового врага, отвергаемого обществом, Быков иллюстрирует, как сталинистская идеология насилия возводит жестокость и несправедливость в моральные нормы, вызывая нездоровые деформации в обществе. Неповоротливый, мордастый Иван Пшеничный – сын кулака, проникшийся идеями большевиков, всегда и во всем подавал людям пример, но те из-за того, что он сын классового врага, сначала отказались принять Пшеничного в техникум, в комсомол, а потом и вовсе стали его сторониться, поэтому, «когда началась война, среди огромного моря человеческого горя и слез нашелся человек, который тайно злорадствовал» [13, с. 95].

Критика общества как задача при написании «Нагих и мертвых» и «Журавлиного крика» перед писателями, как ни парадоксально, не ставилась, хотя опровергнуть присутствие этой критики в произведениях вряд ли возможно. Это замечание естественно по отношению к раннему творчеству В. Быкова, в котором анализ проблем советского социума просто не мог доминировать в произведении. Также оно верно и по отношению к дебютному роману Н. Мейлера, который, по словам самого автора, создавался под впечатлением наполненного символикой мелвилловского «Моби Дика» как «притча о движении человека через историю» [13, с. 602], главным конфликтом был задуман вовсе не конфликт между либерально настроенным лейтенантом Хирном (хотя, безусловно, Мейлер ему симпатизировал) и генералом Каммингсом с его фашистским мировоззрением. Во-первых, «во время написания романа Мейлер был анархистом» [14, с. 16], во-вторых, по словам снова же самого автора, главной темой его произведения является «конфликт между животным и провиденческим в человеке» [14, с. 23]. Антагонизм между задуманным и материализованным легко находит объяснение в докладе Карла Густава Юнга «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству»: «Установка на личностное, провозируемая вопросом о личных побудительных причинах творчества, совершенно неадекватна произведению искусства в той мере, в какой произведение искусства не человек, а нечто сверхличное. Оно – такая вещь, у которой нет личности и для которой личное не является поэтому критерием. И особенный смысл подлинного произведения искусства как раз в том, что ему удается вырваться на простор из теснин и тупиков личностной сферы, оставив далеко позади всю временность и недолговечность ограниченной индивидуальности» [15, с. 183].

Мейлер называет главной темой романа «Нагие и мертвые» борьбу животного начала и Человеческого в человеке. Быков на материале войны показывает величие обычного Человека, подвиг духа, другими словами, как раз победу Человеческого над животным.

В очерке «Верность памяти» В. Быков восхищается прозой Г. Бакланова, пишет, что она нетерпима к фальши и «глубоко драматична по своей сути, еще и полна тонкого, неизъяснимого лиризма, как бы доброго, все понимающего взгляда человека, искренне и по-настоящему любящего людей», а «многие его страницы освещены тихим светом добра и сочувствия» [16]. В «Журавлином крике» В. Быков и сам не прячет своего сострадания к молодым солдатам, которое рассыпано по повести лирическими пейзажными зарисовками («Над шэрым восенськім полем, над скрыжаваннем дарог і далёкім лесам, за якім быў такі зманлівы для гэтых людзей паратунак, сумнай усмешкай бліснула нізкае сонца. Толькі на адзінае імгненне ясным прасветам слізганула яно па сырой гліне траншэі, шэрай сівізне ржышча, полымем кранула рэдкае пажоўклае лісце бяроз, і гэта яго ціхая ласка вострым болем тугі працяла людскія сэрцы» [17, с. 156]).

Герои В. Быкова – обычные люди, которым свойственен инстинкт самосохранения. Желание жить не выходит из головы Алика Овсева («Усё яго нутро, кожная часцінка цела нема пратэставалі супраць пагібелі і прагнулі – жыць, жыць. Да д'ябла гэта вайна, да д'ябла мукі і кроў, калі чалавеку трэба адно толькі – жыць» [17, с. 114]), желание жить преследует Ивана Пшеничного («Свая рубашка бліжэй да цела, а жыццё для яго даражэй за ўсё, і захаваць яго можна, толькі кінуўшы зброю і здаўшыся немцам» [17, с. 91]), желание жить до последнего не покидает юного Глечика («А жыць так хацелася – хоць як-небудзь: у сцюжы, голадзе, страху, хоць у такім жудасным пекле, якім была вайна, – усё роўна хацелася жыць» [17, с. 164]). Перед смертью Глечик слышит крик журавля, что заставляет его взглянуть в небо, где он замечает отставшего, подбитого журавлика, летевшего совсем низко, но пытающегося все еще убраться за клином. Страдания журавлика созвучны горю совсем еще юного солдата, который, не выдерживая этого отчаянного крика, затыкает уши, обхватив голову руками. Эта жажда жизни, которая обрела материальную форму в журавлином крике, вынесена автором в заглавие повести. У Быкова война – это всегда смерть, разрушения, потери, ужасное бедствие. При этом невозможно оспорить мысль о том, что произведения В. Быкова в высшей степени человечные и утверждающие жизнь.

Белорусский литературовед В.И. Локун отмечает, что трагическая смерть героев ранних произведений Быкова несла на себе жизнеутверждающую печать: «герои принимали абсурд войны как абсурд жизни и действовали, жертвовали собой для победы и над этим абсурдом» [18, с. 202]. Солдаты В. Быкова верили, что гибнут не напрасно, что удержание ими позиции (как раз на этом строятся сюжеты «Журавлиного крика» и «Третьей ракеты») любой ценой и как можно дольше имеет смысл, отсюда их ответственность и мужество.

В романе «Нагие и мертвые», наоборот, осознание через страдания абсурдности бытия размыло все жизненные ориентиры и открыло героям «Нагих и мертвых» истину, что люди неспособны противостоять действительности и беззащитны перед случайностью, что они обнажены перед будущим, перед жизнью вообще. С первой страницы читатель погружается в атмосферу длительного и тягостного ощущения беспокойства через описание бессонницы и всеобщей раздражительности, чуть позже, во время непосредственного столкновения с опасностью и смертью, Н. Мейлер неоднократно зарисовывает переживания внезапного, парализующего страха и ужаса, когда герои его произведения не отдавали себе отчет и с изумлением обнаруживали, что, например, выкрикивают какие-то фразы (неистовое «я сдаюсь!» и «прекратите!» Роя Галлахера (*Roy Gallagher*) [4, с. 144] («“Stop, I give up,» he screamed. “STOP!... I give up! I give up!”» [5, с. 777]); «не надо!» [4, с. 45] («That’s enough, that’s enough!» [5, с. 39]) Хеннеси (*Hennessey*); «Боже, спаси меня, ты должен спасти меня!» [4, с. 316] («God, you got to save me, you got to save me!» [5, с. 414]) Минетты; неконтролируемый крик лейтенанта Роберта Хирна). Самое главное, что людей пугало будущее: «Даже если они уцелеют и вернутся домой, лучше не будет. Что произойдет, если и удастся когда-нибудь уволиться из армии? И вне ее рядов будет то же самое» [4, с. 467] («Even if we do get back we’ll get a fuggin. What did it matter if they ever got out of the Army? It would be the same thing on the outside» [5, с. 655]). Да и попытки сопротивления генералу Каммингсу и сержанту Крофту в романе Н. Мейлера не заканчиваются успехом, не находя широкой поддержки: солдаты боятся наказания, забыв, что происходило с теми, кто пытался ослушаться. Таким образом, выкрикиваются деструктивные и конструктивные свойства социального страха. Миссия разведыводом на вымышленном острове Анапопей (*Anopopei*) не выполнена, после спуска с горы изможденные солдаты узнают, что их разведывательная операция, которая унесла жизни людей, вообще была нецелесообразной, и без нее исход был предreshен: случайно был застрелен японский генерал Тойяку, и японцы давно уже сдались. Абсурдность ситуации подчеркивается на последних страницах романа, где картины бесчинств американских солдат, которыми «убийства совершались при полнейшем равнодушии и волновали солдат куда меньше, чем муравьи в постели» [4, с. 572] («The killing lost all dimension, bothered the men far less than discovering some ants in their bedding» [5, с. 816]) сменяются детальным описанием «гениальной» мысли недалекого майора Даллесона (*Dalleson*). Майор, перекусывая хот-догом, обдумывает идею нанесения фотографии знаменитой американской актрисы Бетти Грэйбл в купальном костюме на учебные карты, чтобы солдаты охотнее учились определять координаты местности.

Несмотря на натуралистические тенденции в художественном отображении действительности, Н. Мейлер настаивал, что он не натуралист и даже не реалист, подчеркивая, что «самое большое влияние на «Нагих и мертвых» оказал мелвилловский «Моби Дик»» [19, с. 144], роман, насыщенный символикой, роман, в котором добро и зло – половинки одного целого. Удивительно, но и А. Камю восхищал «Моби Дик» (*Moby-Dick or The Whale*, 1851) Г. Мелвилла, среди своих непосредственных учителей он называет также Хемингуэя и Дос Пассоса [19, с. 35–38]. Так, Камю считает, что «абсурдный, бессмысленный мир без Бога порождает героев (совесть, дух, мужество), и тиранов (ложь, насилие, цинизм)» [20, с. 436]. Мейлер иллюстрирует абсурдность реальности, создавая убедительные портреты сильных духом героев (например, Хирн, Ред, Гольдстейн (*Joey Goldstein*)), ведущих подлинное существование, и циничных тиранов. Хирн и Ред в жестоком и бессмысленном мире предпочли бунт покорному согласию, а ведь «бунт придает жизни цену» [21, с. 41]. Гольдстейн, всегда последовательный в своей моральности, ответственный, ни разу не позволивший себе поддаться слабости, пережил нравственное прозрение, что открыло ему путь к истокам своей личности.

Быкова и Мейлера волнует живучесть универсальных человеческих ценностей в экстремальных ситуациях, где на арену выходит мощный инстинкт самосохранения. Но Мейлер осмысляет еще и власть как испытание на Человечность (не без влияния идей Ницше). Литература США XX века развивается под влиянием философии жизни, но следует указать на условный характер этого влияния, так как «отдельные фрагменты его [Ницше] наследия беспощадно эксплуатировались идеологами различных политических доктрин и философских учений, не всегда заботившихся об адекватной интерпретации его работ» [22], а большинство литераторов черпали знания о философии жизни через посредников. Послевоенные американские произведения заостряют внимание на образе военачальника, для которого подчиненные – обез-

¹ Курсив Н. Мейлера.

личное средство для достижения общественных или даже собственных корыстных целей; культе насилия в своей армии; устранении радикально настроенных интеллектуалов людьми, которые, возможно, глупее, но зато находятся выше по положению в обществе. Литература намечает определенное сходство между устройством армии и диктаторским режимом, а затем и между несовершенным устройством армии и авторитарными тенденциями в американском обществе того периода. Крайне циничен в своих взглядах генерал Каммингс в «Нагих и мертвых», для которого жизнь базируется на инстинктивной воле к власти, а морали он дает статус заблуждения, он, как и сержант Крофт с садистскими наклонностями, подходит под определение Т. Адорно авторитарной личности с присущими ей «социальным консерватизмом; потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью, иногда вплоть до садизма; с тревожностью по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения» [23, с. 4]. Однажды на вопрос о том, кого ненавидит Н. Мейлер, американский литератор дал ответ, что терпеть не может каммингсов, «людей, у которых есть власть и нет сострадания, нет простого человеческого понимания» [24, с. 25]. Философско-эстетические взгляды Н. Мейлера на природу поведения человека формировались под влиянием идей Ницше и Фрейда [25], поэтому американский литератор объяснял авторитарное поведение особенностями биологического начала в человеке, учитывая при этом значение начала социального.

Несмотря на монополию социально-исторической концепции личности в СССР, В. Быков не отрицает слепо значение биологической или генной концепции. Герой его повести «Журавлиный крик», человек действия шустрый белобрысый пэтээровец Свист, уже успел отсидеть в тюрьме за экономические махинации. Прошлого своего не скрывал, просил только, чтобы ярлыков на него не вешали, повторял, что если нужно будет, то готов отсидеть еще больше. Вспоминается ницшеанское «взять на себя не наказание, а вину, – только это и было бы божественно», и Свист вину свою признал полностью, в бою будто бы старался оправдать себя, настолько бесстрашным было его поведение. Погибает Свист также героически: обессилевший, раненый, он бросился с гранатой под танк. При этом Быков не рисует перед нами идеализированный образ раскаявшегося человека, пытающегося искупить вину, несмотря на то, что эстетика соцреализма этого требовала. Господствовавшая тогда социально-историческая концепция личности традиционно показывала эволюцию характера героя по направлению к идеалу, воплощающему лучшие качества гражданина СССР. Василий Быков не отрицает слепо значение биологической или генной концепции, подчеркивая хитрость и беспардонность Свиста, присущие ему, видимо, от природы (без спроса забрал сало Пшеничного, предварительно покопавшись в его личных вещах; бесцеремонно перешагивал через убитых немцев, выскивая оружие и провизию; в довершение, снял часы с мертвого немца). Скорее всего, в моральном плане Свист ориентируется не на чувство вины, а всего лишь на чувство стыда, т.е. он озабочен только тем, как будут оценены его достоинства окружающими людьми, что соотносится с внешними фактами контроля: осуждением или одобрением.

Роман «Нагие и мертвые» Н. Мейлера и повесть «Журавлиный крик» В. Быкова осмысливают существование человека, его поведение в кризисных ситуациях, где не всегда имеют должное воздействие внешние регуляторы поведения, где на первый план выходит внутренний регулятор – совесть. Писатели пытаются постигнуть подлинность выбора и формирование у человека способности стать судьей своих поступков. В повести «Журавлиный крик» Быков высказывает свое представление о подвиге как не о порыве в аффекте, а как о длительном сознательном выборе.

Факт участия в боях американского и белорусского литераторов сказывается на эмоциональности и глубине разработки экзистенциальных проблем. Своим творчеством о Второй мировой войне Мейлер и Быков формулируют моральные эталоны, к которым должен стремиться Человек. Несмотря на то, что в романе Н. Мейлера, особенно в интерлюдии «Женщины» (кстати, отсутствующей в переводе на русский язык), солдаты рассуждают о слабом поле как о незаслуживающем никакого доверия, существующем лишь для удовлетворения физиологических потребностей, образ женщины, представляющий дом (умершая во время родов любимая Галлахера, жена и дети для Голдстейна, ранее чуждая семья для Волсена, мать Глечика, беременная жена Карпенко), и в «Нагих и мертвых», и в «Журавлином крике» связывается с обретением нравственного начала, семья олицетворяет островок космоса среди абсурда и хаоса.

Свобода, важнейшая категория экзистенциализма, представлена у Н. Мейлера и В. Быкова как выбор бытия, определяющий его подлинность или неподлинность, ведь «человеческая реальность может выбрать себя, как она хочет, но не может не выбирать себя» [26, с. 488]. Для Быкова «свобода – самая большая морально-физическая ценность, данная каждому живому существу фактом ее рождения» [27, с. 364]. Носителем либеральных ценностей в романе американского писателя выступает лейтенант Хирн, которому противостоит армейская система, обезличивающая каждый элемент в себе. Лейтенант нелепо гибнет, так как его подставляет сержант Крофт. Абсурдность бытия торжествует у Мейлера и на этот раз, утверждая безнадежно пессимистическую перспективу будущего.

Художественная литература является идеологическим дискурсом в какой-то мере, «поэтому может рассматриваться как инструмент власти: создавая привлекательные образы правящей элиты и тем самым утверждая ее ценности, она оказывается средством поддержания власти» [28, с. 89]. Хотя во время холодной войны, глобальной конфронтации между США и СССР, в обеих державах приветствовалась литература с романтическим показом армии и образом солдата-героя, так как любая книга по военной психологии содержит следующие аксиомы: «характер боевых действий военнослужащих (активный – пассивный, самоотверженный – самосохраняющий и другие) во многом зависит от отношения к войне народа, от степени ее популярности в сознании масс» [29, с. 102]; «боевая готовность воинов в большой степени определяется отношением народа к своей армии» [29, с. 102]. Поэтому моральный выбор самих писателей выявляется в том, что ужасающие натуралистичные описания боя и его последствий относят Мейлера и Быкова к писателям-антимилитаристам.

Заключение. В повести «Журавлиный крик» В. Быкова и в романе «Нагие и мертвые» Н. Мейлера герои представляют собой общество в миниатюре, выявляя все его несовершенства. В романе американского литератора отражены авторитарные тенденции в американском социуме, национальная нетерпимость. В повести Быкова опосредованно раскрываются пороки сталинского режима, хотя критика общества не была целью при создании «Журавлиного крика». И повесть Быкова, и роман Мейлера по сути своей антропоцентричны, их волнует сущность человека, выкристаллизовывающаяся на материале войны. Литераторы сходятся в дуалистичном взгляде на природу человека как на единство биологического и социального. Белорусский писатель осмысляет подвиг духа на войне, поэтому, несмотря на трагизм, его повесть жизнеутверждающая. Роман Мейлера имеет пессимистический пафос, указывая на абсурдность мира и безнадежность будущего, его занимает больше власть как испытание на Человечность. И в «Нагих и мертвых», и в «Журавлином крике» семья несет в себе сильнейшее нравственное начало. Несмотря на то, что на осмысление проблемы личности наложили отпечаток национально-культурные особенности, роман Н. Мейлера и повесть В. Быкова объединяет экзистенциальное видение человека; в произведениях осмысливается поведение людей в кризисных ситуациях, подлинность и неподлинность совершенного выбора, категория свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах: дапаможнік / В. Рагойша. – Мінск: «Беларус. энцыкл.», 2001. – 384 с.
2. Навумовіч, У.М. Эвалюцыя беларускай аповесці XX стагоддзя: праблема жанра / У.М. Навумовіч // Письменник – мова – стиль: матэрыялы III міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 верас. 2005 г.; адк. рэд. М.Р. Прыгодзіч, М.І. Свістунова. – Мінск: РІВШБДУ, 2006. – С. 208–211.
3. Сартр, Ж.П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940) / Ж.П. Сартр. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 815 с.
4. Мейлер, Н. Нагие и мертвые: роман / Н. Мейлер; пер. с англ. И. Разумного, В. Михайлова и В. Гладышевой. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1976. – 575 с.
5. Mailer, N. The Naked and the Dead / N. Mailer. – New York: Picador, 2000. – 721 p.
6. Бутырчык, Г.М. Асоба і грамадства ў рамане Н. Мэйлара «Безабаронныя і мёртвыя» / Г.М. Бутырчык // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка. – Мінск: БДУ, 2007. – № 1. – С. 28–34.
7. Морозов, И. Основы культурологии. Архетипы культуры / И. Морозов. – Минск: «ТетраСиситемс», 2001. – 608 с.
8. Living a Literary Life. Norman Mailer Interview [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://www.achievement.org/autodoc/page/mai0int-1>. – Date of access: 10.08.2012.
9. Коренева, М.М. Литература и война / М.М. Коренева // Литература США: XX век. Опыт типологического исследования (авторская позиция, конфликт, герой) / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 209–238.
10. Levitas, L. The Naked are Fanatics and the Dead Don't Care / L. Levitas // Conversations With Norman Mailer / ed. by J. Michael Lennon. – Jackson: University Press of Mississippi, 1988. – P. 3–12.
11. Cohen, S. Norman Mailer's Novels / S. Cohen. – Amsterdam: Rodopi, 1979. – 145 p.
12. «Пішу як умею, як разумею». Перапіска Васіля Быкава і Лазара Лазарава; падрыхтоўка да друку, прадмова і пераклад асобных лістоў з рускай мовы Алеся Пашкевіча // Дзеяслоў. – Мінск: Медысонт, 2007. – № 1(26) – С. 216–232.
13. Gray, R. A History of American Literature / R. Gray. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 899 p.
14. Дуров, Б.Ю. Человек и война в романе Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» / Б.Ю. Дуров // Вестн. ВГУ. Сер. 2. Филология. Журналистика. – Воронеж: ВГУ, 2005. – № 1. – С. 20–23.
15. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

16. Быков, В. Верность Памяти. Публицистика / В. Быков // Публицистика. – М.: Молодая гвардия, 1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/PROZA/ВУКОВ/publicsm.txt_with-big-pictures.html#11. – Дата доступа: 14.12.2012.
17. Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Выбранае. – Мінск: Ураджай, 2001. – С. 77–167.
18. Лоқун, В.І. Васіль Быкаў у кантэксце славянскіх літаратур / В.І. Лоқун. – Мінск: Тэхнапрынт, 2005. – 321 с.
19. Денисова, Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман / Т.Н. Денисова. – Киев: Наук. думка, 1985. – 246 с.
20. Медведева, И.А. Камю Альбер И.А. Медведева // История философии: энцикл. / под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Интерпрессервис, 2002. – С. 436–437.
21. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Миф о Сизифе; Бунтарь. – Минск: ООО «Попурри», 2000. – С. 4–86.
22. Жуковский, А. Рецепция Ницше в США / А. Жуковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/influence/literatur/usa/>. – Дата доступа: 17.05.2012.
23. Култыгин, В.П. Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности / В.П. Култыгин // Исследование авторитарной личности / Т. Адорно; под общ. ред. д-ра филос. наук В.П. Култыгина. – М.: «Союз», 2001. – С. 5–22.
24. Толмачёв, В.М. Зарубежная литература XX века / В.М. Толмачёв. – М.: Академия, 2003. – 640 с.
25. Шлямович, Л.А. Творческая эволюция Нормана Мейлера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Л.А. Шлямович. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 24 с.
26. Ерасов, Б.С. Социальная культурология: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Б.С. Ерасов. – Изд. третье, доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 591 с.
27. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. – Мінск: «Кніга», 2003. – 132 с.
28. Плеханова, Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т.Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
29. Абдурахманов, Р.А. Военная психология: методология, теория, практика: учеб.-метод. пособие / Р.А. Абдурахманов, А.Я. Анцупов. – М.: Военный ун-т, 1996. – 231 с.

Поступила 24.12.2013

**MAN AND SOCIETY AS PRESENTED
IN THE NOVEL “THE NAKED AND THE DEAD” BY NORMAN MAILER
AND THE STORY “THE CRY OF THE CRANE” BY VASIL BYKAU**

V. HEMBITSKAYA

The article dwells on the understanding peculiarities of the problem of man and society as presented in the novel “The Naked and the Dead” by Norman Mailer and the story “The Cry of the Crane” by Vasil Bykau. The article draws attention to the fact that the characters of both works represent society in miniature. The criticism of society is emphasized not to have been the goal when “The Naked and the Dead” and “The Cry of the Crane” were being created. Still the vices of Stalinism are revealed in the story by V. Bykau. N. Mailer shows the similarity between dictatorial regimes and the customs in the USA Army and then makes parallels between the customs in the USA Army and the American social order. Both writers agree on the dualistic nature of man, who is considered to be the unity of the biological and the social. The existentialist view of man unites the novel by N. Mailer and the story by V. Bykau, but the American writer studies power as a humanity test and the Belarusian writer studies the act of Spirit in the war.